

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

«Я пишу здесь
только правду»

Из дневников. 1923–1971

Колibri

МОСКВА

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б 48

Серийное оформление АНДРЕЯ РЫБАКОВА

Оформление обложки ВАЛЕРИЯ ГОРЕЛИКОВА

Вступительная статья НАТАЛЬИ ГРОМОВОЙ

Составление НАТАЛИИ СОКОЛОВСКОЙ

Комментарии НАТАЛИИ СОКОЛОВСКОЙ И АЛЕКСАНДРА РОМАНОВА

Издательство благодарит Виктора Михайловича Лебединского,
Ирину Борисовну Корнилову-Басову,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
и Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)
за поддержку и помощь, оказанные при подготовке настоящего издания.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Берггольц О.

Б 48 «Я пишу здесь только правду». Из дневников. 1923–1971 / Ольга Берггольц. — М : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. — 784 с. + вкл. (32 с.).

ISBN 978-5-389-24803-8

Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975) — русский поэт, легендарный голос блокадного Ленинграда, автор ставшей крылатой фразы «Никто не забыт, и ничто не забыто». Почти всю жизнь она вела дневники: и в темные годы сталинских репрессий, и в «смертное время» блокады. Беллетризованную автобиографию «Дневные звезды» Ольга Берггольц считала прологом к своей Главной книге: основанная на дневниковых записях, по откровенности и смелости эта книга должна была следовать «Былому и думам» Герцена и «Исповеди сына века» Альфреда де Мюссе. Но замысел, который Берггольц называла «делом жизни», остался неосуществленным. «Я пишу тебя лукаво, главная моя книга. Я обхожу все главное в тебе, всю свою боль. Ее еще нельзя обнаружить», — такую запись сделала Берггольц в мае 1954 года.

До времени, когда боль можно будет обнаружить, она не дожила. Но дневники, опубликованные спустя десятилетия после смерти Ольги Берггольц, и стали ее Главной книгой.

УДК 82-94

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-389-24803-8

© О. Ф. Берггольц (наследники), 2024

© Н. А. Громова, статья, 2024

© А. С. Романов, комментарии, 2024

© Н. Е. Соколовская, составление, комментарии, 2024

© В. А. Гореликов, фото, 2024

© Оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство КоЛибри®

Главная книга Ольги Берггольц

Ольга Берггольц родилась 16 мая 1910 года на рабочей окраине Петербурга, за Невской заставой. Двухэтажный дом на Палевском проспекте, 6/2, где жила семья Берггольц, не сохранился.

Дед Ольги, Христофор Фридрихович Берггольц, перебрался в Петербург из Риги еще в XIX веке, когда Невскую заставу только начинали застраивать фабриками и заводами. Со временем Христофор Берггольц стал управляющим знаменитой прядильно-ткацкой мануфактурой Карла Паля. Отец Христофора Берггольца, по семейному преданию, происходил из крестьян Кулдигского уезда Курляндской губернии, имел много детей, из которых Христофор был самым младшим. В Петербурге Христофор поселился в одной из ближайших к фабрике гостинице, где познакомился с горничной, вдовой Ольгой Михайловной Королевой, чей первый муж умер от пьянства. Она следила за расходами Христофора, стирала белье. Спустя годы в дневнике от 20 февраля 1923 года мать Ольги Берггольц написала о судьбе свекрови: «Сегодня О(льга) М(ихайловна) открыла мне душу... Она говорила мне, что отец (Христофор Берггольц), прежде чем жениться, жил с ней, но стыдился ее общества и никуда не ходил с ней, на улице они всегда шли на расстоянии друг от друга. Затем от него была первая девочка, Лиза, она умерла, потом Федя, и, когда Федя уже бегал, а она была беременной третьим, он женился».

Эта история стала прологом последующих драм в домашнем кругу отца Ольги Берггольц, Федора Христофоровича Берггольца, и истоком мучительного разлада между Ольгиными бабушкой и матерью. Унизительные воспоминания о незаконности своего собственного

союза Ольга Михайловна перенесла на отношения сына и невестки и тем самым отравила начало их семейной жизни.

Сын Федор, избалованный и веселый мальчик, которому отец и мать ни в чем не отказывали, учился в реальном училище Я. Гуревича, которое окончил в 1904 году. Он был красив: голубые глаза, русые кудрявые волосы — и ветрен: ухаживал сразу за двумя девушками. Одной была богатая купеческая дочь, жившая по соседству, на ней очень хотела женить Федора его мать. Но родители девушки не благоволили к легкомысленному юноше. Другая — красивая, тихая Мария Грустилина, чей нрав вполне соответствовал фамилии, кротко ждала, когда Федор сделает наконец свой выбор. Дома Грустилиных и Берггольц находились недалеко друг от друга, и семьи были давно знакомы.

В 1907 году Федор поехал поступать в Дерптский (Юрьевский, теперь Тартуский) университет на медицинский факультет. Летом 1909 года он приехал в Петербург для работы в холерном отряде. После долгожданной встречи Мария забеременела. Федору ничего не оставалось, как в кратчайшие сроки перевестись из Юрьевского университета в Петербург, в Военно-медицинскую академию, и жениться. Свадьба состоялась 12 ноября 1909 года, когда беременности шел четвертый месяц. Чтобы живот не был заметен, невесту затащили в корсет. В ресторане, где отмечали свадьбу, Марии стало плохо. Федор отвез жену домой, оставив гостей пировать дальше.

Менее чем через шесть месяцев после свадьбы, 16 (3-го по старому стилю) мая 1910 года, у Федора и Марии родилась дочь Ольга, «зачатая в грехе», как считала бабушка Ольга Михайловна. После родов Мария Тимофеевна тяжело заболела, и девочку отдали в воспитательный дом: свекровь не желала принять в дом невестку с ребенком. Тогда Федор разыграл сердечный приступ. Мать испугалась, и за младенцем была послана коляска. Ольгу забрал из приюта дедушка Христофор Берггольц, который стал ее крестным. Вышло так, что Ольга стала их любимой внучкой. А Мария Тимофеевна, вынужденно оставив дочь на попечение бабушки и дедушки, уехала работать в город Боровичи Новгородской губернии преподавательницей кройки и шитья. Время от времени она ездила к мужу в Тарту. Забеременев, она была вынуждена вернуться под крышу дома Берггольцев. 11 сентября 1912 года родилась сестра Ольги — Мария.

...В 1911 году Федор Берггольц возобновил учебу на медицинском факультете Тартуского университета, а в 1914 году, окончив

учебу, стал жить дома, но уже в сентябре ушел в армию: началась Германская (Империалистическая, позже получившая название Первой мировой) война, во время которой Федор Берггольц служил сначала хирургом полевого госпиталя, а затем старшим врачом санитарного поезда.

После революции Мария Тимофеевна оставалась с маленькими дочерьми в доме свекрови и свекра. В 1918 году началась Гражданская война. Жизнь стала совсем тяжелой, Федор был снова на войне, а свекровь прямо сказала невестке, что та должна искать пропитание себе и дочерям. Мария Тимофеевна взяла детей и в июне 1918 года уехала с ними в Углич, к родственникам. Ольгина детская вера в Бога, воспитанная экзальтированной матерью, усилилась после переезда в Углич — старинный русский город с церквами и колокольнями на берегу Волги. Это был город-сказка, похожий на иллюстрации из детских книжек. Церковь Рождества Иоанна Предтечи, Успенская церковь Алексеевского монастыря, прозванная за красоту в народе Дивной, церковь Димитрия на Крови...

...Окончание Гражданской войны дало возможность семье вернуться в свой дом за Невской заставой: в конце апреля 1921 года в Углич приехал Федор Христофорович и увез жену с детьми в Петроград.

Чтобы не попасть под уплотнение, Берггольцы подселили в свой двухэтажный дом родственную семью Грустилиных. Там же стали жить семьи Балдиных и Лапшиных. Валя Балдина останется Ольгиной близкой подругой почти на всю жизнь. Валина любовь к писателю Николаю Баршеву, его арест — один из трагических сюжетов второй, оставшейся в набросках, части «Дневных звезд».

С января 1923 года Ольга Берггольц (а потом и ее сестра Мария) стала учиться в 117-й единой трудовой школе на проспекте Села Смоленского (угол с Шлиссельбургским пр.)¹. В 1924 году, на другой день после известия о смерти Ленина, на школьном траурном утреннике юная Ольга читала свое стихотворение:

Как у нас гудки сегодня пели!
Точно все заводы встали на колени.
Ведь они теперь осиротели.
Умер Ленин...
Милый Ленин...

---

¹ Сейчас пр. Обуховской Обороны, 54. Историческое здание школы предназначено к сносу в связи со строительством Большого Смоленского моста.

Для четырнадцатилетней Ольги Берггольц смерть Ленина стала сломом мировоззрения. Отныне вера в «дело Ленина» полностью заменила в сознании девочки прежнюю, христианскую веру. Одновременно и прежний родной дом стал рассыпаться: со смертью бабушки и дедушки зашаталась и устои берггольцевской семьи, и вскоре родители Ольги расстались.

Стихи и очерки юной Ольги Берггольц стали появляться в газете Ленинградского губкома «Ленинские искры», которая выпускалась для детей и подростков и где 27 сентября 1925 года появилось ее первое опубликованное стихотворение «Пионерам». А еще в начале того же года Ольга узнает, что в центре Ленинграда действует литобъединение для рабочей молодежи «Смена», где собираются начинающие поэты и писатели. Занятия проходили не реже двух-трех раз в неделю. Сменовцам было по шестнадцать—восемнадцать лет. Здесь были Борис Корнилов, Александр Решетов, Александр Прокофьев, Геннадий Гор. Руководили ими поэты, которые были чуть старше их самих: Илья Садофьев, Виссарион Саянов, а потом Валерий Друзин. Старшие поэты были членами ЛАПП (Ленинградской ассоциации пролетарских писателей). Молодые ленинградские поэты еще не боялись признаваться в любви к поэтам предшествующего поколения. Поэтому не случайно, что надзором за пролетарской чистотой поэтической молодежи и ее проработкой стала заниматься всесильная в двадцатые годы организация — Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). С первых дней своего существования эта структура претендовала на ведущую роль в руководстве советской литературой — и с каждым днем действовала все более воинственно. Писателей, не входящих в ассоциацию, она делила на врагов и на союзников.

В «Смене» Ольге очень нравился юный поэт Геннадий Гор, поклонник обэриутов, начитанный, умный собеседник. Там же она впервые услышала стихи Бориса Корнилова, к которому поначалу оставалась безразличной. Читал он с нижегородским оканьем, ходил в пальто нараспашку и в кепке, сдвинутой на затылок. «Борис Корнилов был самым ярким из всей группы, — вспоминал Гор. — Его голосом разговаривало с читателем время, разговаривал комсомол, словно этот окончивший деревенскую школу паренек вобрал в себя и окрасил собой все, что так легко и непринужденно ложилось в его строки и строфы... Борис Корнилов нисколько не ценил ни себя, ни свое время, которое лихо тратил на ресторанный одурь, на встречи со

случайными, липнувшими к нему и к его похмелью людьми, и было непостижимо, когда и как он успевал так хорошо и много писать».

Корнилов вошел в жизнь Ольги, когда она еще только начинала осознавать себя поэтессой, а он уже точно знал, что он — поэт настоящий. Они были вместе всего три года, с 1927-го по 1930-й (официально вступили в брак в 1928 году, развод оформлен в 1932 году), но имена их и судьбы оказались связанными навсегда. И первая книга стихов Корнилова «Молодость» была посвящена Ольге.

Корнилов родился в Нижегородской губернии, в городе Семёнове, расположенном «среди мощных, дремучих лесов, невдалеке от реки Керженец, где русские бились с татарами, невдалеке от озера Светлояра, где, по преданию, затонул град Китеж», — писала спустя годы Ольга. Поселились молодые в доме за Невской заставой. В октябре 1928 года у них родилась дочь Ирина. Летом 1929 года, оставив девочку с бабушкой, они с Борисом поехали в Семёнов знакомиться с его родителями. Это была их первая и последняя поездка.

Между кормлениями дочери Ольга бегала на лекции в Институт истории искусств. Борис пытался зарабатывать, учиться, но срывался, пил, в 1929 году его исключили из комсомола... Семейная жизнь молодых людей не ладилась.

В дневнике Берггольц конца 1929 года — начала 1930-го появляются новые герои, уже состоявшиеся мужчины, которые ей интересны. Таким был известный художник Владимир Лебедев, с которым она познакомилась в журнале для школьников «Ёж». Это знакомство льстило Ольге: Лебедев предложил ей позировать для портрета. Другим был Юрий Либединский — один из вождей РАППа, признанный советский писатель (будущий муж Марии Берггольц). Они открыто ухаживают за юной золотоволосой красавицей Ольгой.

В Ленинград Либединский был откомандирован конце 1928 года из Москвы, чтобы контролировать местную писательскую организацию и провести так называемую «пролетарскую чистку», способствующую «оздоровлению» организации. Обычно эта процедура начиналась с публичного изложения членом коллектива своей биографии. Затем надо было отвечать на вопросы, которые могли касаться любой области — политической или личной. Ольга Берггольц проходила чистку вместе со всеми. По заключению комиссии по проверке состава ЛАППа, Ольга не работала на производстве, не знала жизни рабочего класса, ее творчество не являлось творчеством пролетарского писателя. Поэтому она была из ЛАППа исключена. 12 февраля 1930 года она подает заявление о своем восстановлении.

Ее прикрепили к рабочему кружку «Красный путиловец» при Путиловском (позже Кировском) заводе и вернули в ЛАПП.

После расформирования Института истории искусств как не соответствующего новой идеологии — всех комсомольцев перевели на филологический факультет Ленинградского университета, где Ольга встретила начинающего студента-словесника Николая Молчанова, который понравился ей с первого же взгляда. Молчанов отвечал всем представлениям Ольги об идеальном советском человеке. Он был аскетичный, честный, талантливый: настоящий комсомолец. Именно такого мужчину Ольга хотела видеть рядом с собой. «Донской казак по происхождению, высокий, удивительно ладный, он был необычайно, строго и мужественно красив, и еще более красив духовно», — писала она в автобиографии.

Летом 1930 года Ольга отправляется на преддипломную журналистскую практику в газету Владикавказского окружкома ВКП(б) «Власть труда». Объезжает города и аулы, пишет о ходе коллективизации. В поездках по стройкам Северного Кавказа перед ней разворачиваются тяжелые картины жизни и быта местных жителей.

Вернувшись в Ленинград, Ольга добивается, чтобы их вместе с Николаем Молчановым по распределению отправили в Казахстан корреспондентами газеты «Советская степь». В Казахстане идет массовая насильственная коллективизация. Оттого что ни с нищетой и бесправием населения, ни с бесхозяйственностью местного парт-аппарата ничего нельзя было сделать, Ольгу порой охватывал «ужас неверия» в коммунизм. Сославшись на необходимость встречи с дочкой, она возвращается в Ленинград. Молчанов остается в Алма-Ате.

В 1930 году у Ольги выходит книга для детей «Зима — лето — попугай» (с иллюстрациями В. Лебедева), которую выпустил в ленинградской редакции Госиздата Самуил Маршак. Он и познакомил Ольгу с приехавшим в Ленинград 20 сентября 1931 года Максимом Горьким. Пролетарский писатель планировал новые перспективные литературные проекты, одним из которых должно было стать издательство «Детская литература». «Оруженосцем» Горького в Ленинграде был один из руководителей РАПП Леопольд Авербах, чрезвычайно влиятельная фигура не только в литературном, но и в политическом мире. Романтическая связь с Авербахом — человеком, принадлежавшим к властной верхушке страны, — сыграет в судьбе Ольги Берггольц роковую роль, когда в апреле 1937 года Авербах будет арестован и признан «врагом народа».

В начале 1930-х годов Николая Молчанова комиссуют из армии, куда он был призван сразу же после журналистской работы в Казахстане. У него оказалась тяжелая форма эпилепсии, полученной в результате контузии, — на учениях рядом с ним разорвалась граната. Ольга, Николай и их родившаяся в 1933 году (умерла через несколько месяцев) дочь Майя начали общую жизнь в новом доме-коммуне инженеров и писателей (прозванном «слеза социализма») на улице Рубинштейна (бывшей Троицкой), 7. Старшая дочь от брака с Борисом Корниловым Ирина в то время жила у бабушки, матери Ольги.

В начале тридцатых годов Ольга Берггольц работала в издательстве «Детская литература» вместе с Маршаком, писала стихи, прозу, детские рассказы. О ее повести «Углич», написанной по заданию Маршака, положительно отозвался Максим Горький. После появления ее первой «взрослой» поэтической книги «Стихотворения», редактором которой был Николай Тихонов, Ольгу принимают в члены только что образованного Союза писателей. Ей всего двадцать четыре года. Теперь она мечтает написать серьезную книгу. Хочет взяться за роман из жизни Невской заставы, где прошло ее детство. Написать, выполняя обещание, данное Горькому, очерк об истории завода «Электросила». А потом загорается идеей написать повесть для детей «Дзержинский».

После убийства в декабре 1934 года первого секретаря Ленинградского губкома ВКП(б) С. М. Кирова атмосфера в стране кардинально ужесточается: начинаются повсеместные чистки, аресты, высылки.

В начале марта 1936 года вследствие тяжело перенесенной ангины и осложнения на сердце умерла старшая дочь — Ирина. Девочка уходила тяжело. В минуты самой глубокой скорби Ольга все отчетливее нащупывает одну из основных тем своей поэзии — преодоление смерти через Память. Она беспрестанно возвращается к воспоминаниям о дочерях, вставляя их гибель в общий текст своей судьбы, и делает это подчас абсолютно беспощадно к себе самой.

В 1936 году Ольгу назначают ответственным секретарем газеты «Литературный Ленинград» (ликвидирована в марте 1937 года). Работая в газете, Ольга все больше чувствует себя настоящим партийным пропагандистом. Поэтому для нее была так важна поездка на чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, проходивший в Москве в ноябре-декабре 1936 года. Страна только что пережила судилище над «Антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским центром». На многочисленных собраниях, в том числе и писательских,

звучали сокрушительные заявления в адрес предполагаемых троцкистов: «Расстрелять как бешеных собак!» Ольга Берггольц была на стороне тех, кто призывал к расстрелу. В редакционной статье «Зорче глаз, выше большевистскую бдительность!», посвященной началу троцкистско-зиновьевского процесса и опубликованной в «Литературном Ленинграде» 29 августа 1936 года, Берггольц писала: «У нас в Ленинграде мы не проявили должной бдительности...», и далее — целый список руководителей, которым инкриминировалась «связь с врагами».

18 июня 1936 года умер Горький. На похоронах Ольга в последний раз видела Авербаха — растерянного и испуганного. 20 марта 1937 года пришли за ее первым мужем, Борисом Корниловым. А в июне 1937 года на последних месяцах беременности ее вызвали в НКВД для дачи показаний по делу Авербаха. В материалах ее будущего дела откроются обстоятельства того лета. «Что же касается показаний Берггольц¹, данных ею во время допроса в качестве свидетеля в июле м-це 1937 г., где она показала, что является участником троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации, являются, как установлено следствием, показаниями вынужденными, даны в состоянии очень тяжелого морального и физического состояния, о чем свидетельствует тот факт, что сразу же после допроса Берггольц попала в больницу с преждевременными родами». Ольга не только исключена отовсюду, не только теряет долгожданного ребенка — она ославлена. О ее любовных связях говорят на собраниях, намекают со страниц газет.

В 1937 году в Ленинграде полным ходом на предприятиях и в организациях шли собрания с обличениями «троцкистско-авербаховских уклонов». В это время в городе Кирове во время жестоких допросов Андрей Алдан-Семенов, товарищ Ольги и Молчанова по работе в газете «Советская степь», обвинил их общего друга Леонида Дьяконова в связях с «авербаховкой» Берггольц. В ночь с 13 на 14 декабря 1938 года Ольга Берггольц была арестована как «участница троцкистско-зиновьевской организации» и доставлена в Шпалерку — тюрьму Большого дома. В постановлении об аресте говорилось, что Ольга Берггольц входила в террористическую группу, готовившую террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского правительства (т. Жданова и т. Ворошилова). Среди прочего у нее изъяли дневники. Берггольц пробыла в тюрьме 197 дней и ночей.

¹ В материалах дела фамилия пишется с одной «г». — *Примеч. ред.*

Следствие шло по статье 58–10. Дело могло кончиться расстрелом. Во время ареста Ольга снова была беременна. «Ребенок в ней был убит», — писала Мария Берггольц в заметках о своей сестре.

3 июля 1939 года Ольгу освободили из-под стражи. Следствие по делу было прекращено за недоказанностью состава преступления. «...Я страшно мечтала там о том, как я буду плакать, увидев Колю и родных, — и не пролила ни одной слезы. Я нередко думала и чувствовала там, что выйду на волю только затем, чтобы умереть, — но я живу, подкрасила брови, мажу губы. Я еще не вернулась оттуда, очевидно, еще не поняла всего...» — записала она в дневнике.

За время тюрьмы Ольга изменилась кардинально. Не было больше фанатичной коммунистки, оправдывавшей любые преступления власти высокой целью. В ее дневнике теперь — и растерянность, и ужас перед открывшимся новым знанием о стране, о людях, которым верила.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Война вернула Ольге Берггольц цель и смысл существования. В конце июня 1941 года она с группой писателей была прикреплена Ленинградским горкомом ВКБ(б) к Радиокомитету. Ольга стала работать в литературно-драматической редакции, которой руководил Георгий Макогоненко, будущий известный литературовед. Он настойчиво ухаживал за Ольгой, и в конце концов их отношения стали близкими. В те дни Ольга пишет: «В бомбоубежище, в подвале, / нагие лампочки горят... / Быть может, нас сейчас завалит. / Кругом о бомбах говорят... / ...Я никогда с такою силой, / как в эту осень, не жила. / Я никогда такой красивой, / такой влюбленной не была...»

Постоянное недоедание и непрерывное нервное напряжение обострили болезнь Молчанова. Тяжелый эпилептический припадок, ставший прологом к гибели, случился у него 27 октября 1941 года. Ольга записывает. «Сейчас у Кольки был страшный припадок — боюсь, что это начало статус-эпилепсии». 29 января 1942 года Молчанов умер в психиатрической больнице от истощения и прогрессирующего нервного расстройства. «...Как страшно и бессмысленно погиб этот изумительный, сияющий человек. Я ужасаюсь тому, что осталась без его любви. Но пусть бы даже разлюбил, — я и недостойна была этой священной его, рыцарской любви, — только пусть бы жил, пусть бы жил...» Его тело несколько дней пролежало в бывшей больничной часовне Св. Николая Чудотворца, которая служила моргом. Николай Молчанов был похоронен в братской могиле. Ольга так и не узнала где...

2 сентября 1941 года Федора Христофоровича Берггольца (после секретного постановления о высылке из Ленинграда людей с немецкими и финскими фамилиями) вызывают в НКВД. Именно теперь органы заняты поиском в городе «пятой колонны». Осенью 1941 года доктору Берггольцу удалось избежать высылки. Но в марте 1942 года НКВД снова активизировался: Федор Христофорович был выслан из блокадного города, где провел, леча людей, первую, самую страшную зиму. Благодаря усилиям Ольги ссыльного отца осенью 1942 года удается переправить в Чистополь, куда была эвакуирована Мария Тимофеевна Бергголец с внуком Мишей Либединским.

В конце февраля после долгих колебаний Ольга принимает решение лететь в Москву по командировке от Радиокomiteта. Одна из причин — слабая надежда на то, что она беременна от Николая. Но врач, осмотревший Ольгу, сказал, что ее вздутый живот — лишь последствие голода.

Ольга Бергголец была потрясена контрастом между жизнью в умирающем Ленинграде и жизнью в Москве. Здесь было электричество, давались представления в театрах, звучала музыка из радиоприемников, работали кафе и рестораны. Но главное — Ольга с ужасом понимает, что правда о Ленинграде скрывается: «Здесь не говорят правды о Ленинграде — не говорят о голоде... (...) ...запрещено слово „дистрофия“, — смерть происходит от других причин, но не от голода! (...) Трупы лежат штабелями, в конце Мойки целые переулки и улицы из штабелей трупов. Между этими штабелями ездят грузовики, с трупами же, ездят прямо по свалившимся сверху мертвецам, и кости их хрустят под колесами грузовиков», — записывает она в дневнике. Наряду с тюремными, блокадные страницы дневника Бергголец самые страшные и отчаянные. Она рвется назад, в Ленинград, «навстречу гибели». И через весь блокадный дневник Бергголец проходит мысль: «Надо уничтожить фашизм, надо, чтоб кончилась война, и потом у себя все изменить...»

Вернувшись в Ленинград, Ольга Бергголец окончательно выбрала свою судьбу. Она больше не ждала ни постановлений, ни распоряжений. Теперь она делала то, что считала правильным. Она хотела, чтобы живые ее слышали, а умершие — жили в памяти. Оказалось, что в 1942 году многое стало возможно. Потребность в живой и подлинной интонации, в подлинных чувствах была огромна. В литературу возвращаются стихи и проза, проникнутые настоящим лирическим и гражданским чувством.

18 января 1943 года блокада Ленинграда была прорвана. Сообщение о прорыве блокады Радиокomitee сообщил городу голосом Ольги Берггольц. Задыхаясь от волнения, Ольга произнесла в микрофон и такие слова: «Мы знаем, нам еще многое надо пережить, многое выдержать. Мы выдержим всё. Уж теперь-то выдержим, теперь-то мы хорошо почувствовали свою силу». Но именно народ, почувствовавший свою силу, был не нужен власти.

После войны для Ольги Берггольц, ставшей человеком-легендой, началось новое испытание. Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», вышедшее 14 августа 1946 года, разрушило надежды людей на смягчение режима, установленного еще в конце тридцатых годов. От всех писательских организаций требовались выступления с поддержкой постановления и разоблачением Ахматовой и Зощенко. Для Ольги Берггольц участие в собраниях, где «разоблачают» Ахматову, было невозможно. Наоборот, она делает все, чтобы помочь опальному поэту. Она постоянно принимает Ахматову в их общем с Георгием Макогоненко доме, где собирается сложившийся в эти годы круг друзей, куда входили Евгений Шварц и Юрий Герман.

Конец 1948-го — начало 1949 года отмечен целым потоком обвинительных процессов. На этом фоне разворачивается и громкое «Ленинградское дело», вызванное столкновением двух группировок в ЦК — ждановской и маленковской — за место возле Сталина.

Для Ольги же последним тревожным звонком стал запрет книги ее блокадных очерков и радиоречей «Говорит Ленинград». Об этом ей рассказали друзья, работавшие в Публичной библиотеке, — пришло распоряжение об изъятии из фондов всех экземпляров. Уничтожение книги обычно предшествовало уничтожению человека.

Все это время Ольга Берггольц мучительно пытается удержать внутреннее «идейное» равновесие, соединить несоединимое. С одной стороны, в 1949 году она оставляет в дневнике страшные записи о своей поездке в Старое Рахино, о «сталинском ГУЛАГе» — послевоенной деревне. С другой — работает над героико-романтической поэмой «Первороссийск», где в последней главе прославляет Сталина. В 1951 году она получает за поэму Сталинскую премию третьей степени.

Вряд ли кто-нибудь мог рассказать о причинах алкоголизма Ольги Берггольц и невозможности излечения от него откровеннее, чем она сама. «...С октября 1951 года усиленно лечусь — вернее, лечат меня от хронического алкоголизма. С тех пор, как стали лечить, —

стала пить все хуже и хуже. Когда первый раз пришла на ул. Радио („товарищи уговорили“), — задохнулась от смертной обиды: махонькие палаты, все выходы под замками и есть можно только оловянной ложкой — совсем как в тюрьме, на Шпалерке, в 1938–39 гг. Так вот для чего все было — Колина смерть, дикое мужество блокады, стихи о ней, Колиной смерти, Юриной любви, о страшном подвиге Ленинграда, — вот для чего все было — чтоб оказаться здесь, чтоб заперли здесь, всучили оловянную — ту же ложку и посадили над той же страшной кашей, как в тюрьме. А я-то мучилась, мужалась, писала, отдавала сердце и, чтоб заглушить терзания совести и ревности, — пила (только от этого и пила), — оказывается, у жизни один для меня ответ: тюрьма. Не можешь подличать, мириться с ложью, горит душа — полезай в тюрьму». Не только в пьяном виде Ольга обличала начальников, высмеивала доносчиков, издевалась над лицемерами. Власти побаивались ее, но ничего не смели с ней, «блокадной мадонной», сделать.

Ставшие со временем мучительными отношения с третьим мужем, Георгием Макогоненко, Ольга тоже считала причиной постоянных запоев. Обстоятельства личной жизни словно удваивали для Ольги тот всеобщий обман, который окружал ее и в советской действительности.

Весной 1952 года Ольга Берггольц с группой писателей, в которую входили Александр Твардовский и Юрий Герман, была командирована на строительство Волго-Донского канала, возводившегося силами заключенных. «В начале 52(-го), зимой и весной, — дважды Волго-Дон, — писала Ольга в дневнике. — Дикое, страшное народное страдание. Историческая трагедия небывалых масштабов. Безысходная, жуткая каторга, именуемая „великой стройкой коммунизма“, „сталинской стройкой“».

После смерти Сталина, в декабре 1954 года, состоялся Второй съезд Союза писателей, который не созывался с года своего основания, двадцать лет. Съезд надежд не оправдал: «...был похож на тусклое зеркало из жести, в котором отражалась не литература, а настоящее, встречающая прямой и откровенный разговор о литературе», — отмечал в своих мемуарах писатель Вениамин Каверин.

В эти годы Ольга старается выволить своих друзей из тюрем и лагерей. И первое письмо на имя генерального прокурора Руденко она пишет о судьбе своего друга — главного редактора газеты «Литературный Ленинград» Анатолия Горелова, осужденного в 1937 году.

Но основной целью в это время для нее оставалась борьба за честное имя Бориса Корнилова. Это был ее долг и ее покаяние перед

ним. Заявление на имя военного прокурора Ленинградского военного округа Ершова Ольга написала 6 апреля 1955 года. А 5 января 1957 года Верховный суд СССР вынес определение об отмене приговора Борису Корнилову с формулировкой, что дело было сфальсифицировано.

В октябре 1954 года в «Новом мире» был опубликован фрагмент из повести «Дневные звезды» под названием «Поездка прошлого года». Полностью повесть вышла в 1959 году (в 1966 году Игорем Таланкиным по ней был снят одноименный фильм). По замыслу Ольги, «Дневные звезды» и вторая, так и не написанная, часть этой книги должны были стать ее Главной книгой, которая представлялась ей такой же по степени откровенности и страстности, как и «Былое и думы» Герцена.

14 февраля 1956 года открылся исторический XX съезд партии. Доклад Никиты Хрущева «О культе личности и его последствиях» проходил в закрытом режиме. В докладе разоблачались преступления Сталина и осуждался культ личности, однако не ставились под сомнение победы социализма. О том, что происходит на съезде, Ольга узнала в больнице. Там она писала сценарий «Первороссийск» для режиссера Григория Козинцева и вторую часть «Дневных звезд». А 15 июня 1956 года, выступая на посвященном итогам XX съезда собрании в Центральном доме литераторов, Ольга говорила: «Считаю, что одной из основных причин, которые давят нас и мешают нашему движению вперед, являются догматические постановления, которые были приняты в 1946–1948 годах по вопросам искусства... И вот что самое страшное, что под этим постановлением и под докладом Жданова, который читался по этому постановлению, мы живем до сих пор...» Основной пафос ее речи сводился к тезису «Мы действительно очень много лгали». Ответом на выступление Ольги стала записка из отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах развития современной советской литературы» от 27 июля 1956 года. В ней, в частности, говорилось: «О. Берггольц дошла до того, что постановления ЦК КПСС изображала как продукт творчества щедринских градоначальников. Показательно, что это развязное выступление было встречено аплодисментами части аудитории...» А 15 августа в Центральном доме литераторов, состоялось закрытое партийное собрание, на котором после обсуждения доклада Хрущева и итогов XX съезда большинство выступающих уже обличали позицию Берггольц. Она была вынуждена покаяться, чтобы избежать исключения из партии, в которую, несмотря ни на что, продолжала верить.

□ □ □

В 1965 году, на излете оттепели, у Ольги Берггольц вышла книга стихотворений «Узел», которую она считала своей лучшей поэтической книгой и куда впервые вошли многие тюремные и блокадные стихи. В этих текстах Ольга рассматривает свою жизнь через призму народной катастрофы, которую разделила со всей страной. Она отвечает не только тем, кто пытался заткнуть ей рот, но и самой себе и своей жестокой эпохе.

За два года до смерти Ольга попала в больницу с переломом шейки бедра. Говорила, что споткнулась о том Эмиля Золя. В больнице она сразу же встала на костыли, пыталась ходить. А после больницы звонила Лакшину и говорила, что будет писать о Твардовском, что должна успеть рассказать о нем. Что будет писать об Ахматовой и о Корнилове...

Она умерла в шестьдесят пять лет, 13 ноября 1975 года.

Некролог появился в газете «Ленинградская правда» только 18 ноября. Согласования наверху шли почти пять дней. Панихида была в Союзе писателей на улице Воинова. Вместо того чтобы похоронить ее на Пискаревском кладбище вместе с блокадниками, что было ею завещано, ее положили на Волковом. Боялись даже после смерти.

Охота за дневниками и перепиской Ольги Берггольц началась сразу же после ее ухода. Вопрос о литературном наследии Ольги решался на уровне ЦК КПСС. Просили компетентного мнения Сергея Михалкова (всесильного председателя СП РСФСР), который предостерегал власти, что «в случае передачи указанных материалов наследнице поэтессы М. Ф. Берггольц не исключается возможность их использования как в ущерб автору, так и государству». Он считал, что дневники Берггольц могут опорочить звание советского поэта. Власти вместе с Союзом писателей пытались выкупить и спрятать архив, что им в конечном счете им удалось сделать, уговорив Марию Берггольц отправить архив в ЦГАЛИ (теперь РГАЛИ), то есть в Москву.

Только в 1990-е годы отрывки из дневников Ольги Берггольц впервые пришли к читателю. 17 сентября 1941 года в блокадном Ленинграде она записала: «Сегодня Коля закопает эти мои дневники. Все-таки в них много правды, несмотря на их ничтожность и мелкость. Если выживу — пригодятся, чтоб написать всю правду». Опубликованными, эти дневники и стали Главной книгой Ольги Берггольц.

Наталья Громова

От издателя

Тексты дневников публикуются в современной орфографии и синтаксисе, но с сохранением особенностей авторского стиля (не унифицировалось использование прописных и строчных букв, особенности написания ряда слов, например «имянины», «чорт» или «взади», а также сохранены интонационные запятые или тире; все это характерно для времени становления новой — после реформы 1917–1918 годов — орфографии и пунктуации).

Курсив используется для обозначения более поздних вставок в текст дневника, а также внесенных дополнительно (выше или ниже основной строки) стихов и приписок на полях. Полуужирным выделены слова и фразы, подчеркнутые двойной линией, полуужирным курсивом — подчеркнутые волнистой линией.

При публикации приняты следующие обозначения. Вычеркнутые автором слова и фразы восстановлены в квадратных скобках. Сохранены авторские пометы, они приводятся в фигурных скобках. Слова, ошибочно пропущенные или не дописанные автором, восстановлены в угловых скобках там, где это возможно. В угловые скобки также заключены редакторские конъектуры, в том числе и указания на обрывы дневниковых записей. Восстановленные при расшифровке части отдельных фраз, текст которых был прочитан предположительно, обозначены с помощью угловых скобок и знака вопроса. Особо отмечены слова и фразы, написанные неразборчиво, с указанием их соответствующего числа (например: ⟨1 сл. нрзб⟩, ⟨2 сл. нрзб⟩, ⟨1 строка нрзб⟩ и т. д.). Зачеркнутое автором неразборчиво написанное слово обозначено следующим образом — [⟨1 сл. нрзб⟩],

а зачеркнутая неразборчиво написанная строчка [(1 строчка нрзб)]. Инициалы упоминаемых в тексте персоналий по возможности также раскрывались в угловых скобках, за исключением тех случаев, где установить упоминаемое лицо не удалось.

Текст дневников с сокращениями воспроизводится по следующим изданиям:

Ольга Берггольц. Мой дневник: В 3 т. М.: Кучково поле, 2016–2020.

Публикация дневников О. Ф. Берггольц 1923–1971 годов, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в составе личного фонда О. Ф. Берггольц.

«Так хочется мир обнять». О. Ф. Берггольц: Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред., сост. Н. А. Прозорова. СПб.: Пушкинский Дом, 2011.

Использованы материалы раздела: О. Ф. Берггольц. Дневниковые тетради 1923 г. Публикация Н. А. Прозоровой. С. 137–192.

Дневники хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в составе личного фонда О. Ф. Берггольц.

Борис Корнилов. «Я буду жить до старости, до славы...» СПб.: Азбука, 2012.

Использованы материалы раздела: «Я хочу жизни — много, много...»: Дневник О. Ф. Берггольц 1928–1930 годов. Публикация Н. А. Прозоровой. С. 287–342.

Дневники хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в составе личного фонда О. Ф. Берггольц.

Из дневников
1923–1971

ОЛЬГА ФЕДОРОВНА БЕРГГОЛЬЦ
«Я ПИШУ ЗДЕСЬ
ТОЛЬКО ПРАВДУ»
ИЗ ДНЕВНИКОВ. 1923–1971

Ответственный редактор ЕЛЕНА АДАМЕНКО

Художественный редактор ВАЛЕРИЙ ГОРЕЛИКОВ

Технический редактор ВАЛЕНТИНА ДИК

Подготовка иллюстраций ЕКАТЕРИНЫ МИШИНОЙ, ДМИТРИЯ КАБАКОВА

Компьютерная верстка ИРИНЫ ВАРЛАМОВОЙ

Корректоры НАТАЛЬЯ БОБКОВА, ЛЮДМИЛА ДУБОВАЯ, ЮЛИЯ ТЕПЛОВА

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.07.2024.

Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.

Усл. печ. л. 49,98 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус,» —
обладатель товарного знака КоЛибри®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
КоЛибри® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.

Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-APR-33785-01-R